

Ю. И. БОГОРАД

РОГСКИЕ ГОВОРЫ ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА

АВТОРЕФЕРАТ

*диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук*

В новом труде И. В. Сталина „Экономические проблемы социализма в СССР“ и в решениях XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза большое место уделяется вопросам науки. Перед советскими учеными, в том числе и перед советскими лингвистами, поставлен целый ряд важнейших и актуальнейших задач.

В работе И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“ наряду с другими проблемами языкознания значительное место также уделяется и вопросам о территориальных диалектах.

Подчеркивая, что территориальные или местные диалекты коренным образом отличаются от жаргонов, И. В. Сталин указывает, что территориальные или местные диалекты „обслуживают народные массы и имеют свой грамматический строй и основной словарный фонд“. ¹ Некоторые из этих диалектов в определенных исторических условиях могут лечь в основу национальных литературных языков.

Исходя из высказываний И. В. Сталина и следует изучать современные местные территориальные диалекты.

Изучение таджикских диалектов в настоящее время представляется особенно важным.

В связи с коренным переустройством экономики Таджикистана за годы советской власти поднялся политический и культурный уровень таджикского народа, выросла сеть новых школ и различных культурно-просветительных учреждений, литературный таджикский язык проник в самые отдаленные уголки Таджикистана.

„В результате проведения ленинско-сталинской национальной политики народы Советского Союза осуществили подлинную культурную революцию“. ² „Новые, социалистические нации в нашей стране за годы социалистического строительства коренным образом изменили свой облик и развились в передовые современные нации“. ³

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950, стр. 43.

² Л. Берия. Речь на XIX съезде ВКП(б), Госполитиздат, 1952, стр. 17.

³ Там же, стр. 9—10.

Таджикский литературный язык оказывает большое влияние на территориальные местные говоры.

Несмотря на процесс постепенного отмирания территориальных говоров, все же на территории современной Таджикской Советской Социалистической Республики сохраняются еще многочисленные местные говоры таджикского языка. Эти говоры до сих пор обслуживают народные массы.

Изучение говоров таджикского языка на данном этапе их развития, выявление ряда черт общности и различия между отдельными говорами и их группами дает материал для построения истории таджикского языка, существенно дополняющий показания письменных источников.

В практическом отношении знание особенностей местных говоров может иметь значение при преподавании литературного таджикского языка в сельских школах.

Изучение же словарного состава таджикских говоров облегчит работу по лексикологии и, в частности, по составлению толкового словаря таджикского языка.

Исследование таджикского языка, а вместе с тем и таджикских говоров, начинается с середины XIX в. работами русских ученых (проф. В. Григорьев, В. П. Наливкин).

Более систематичный и углубленный характер оно приобретает уже после Великой Октябрьской социалистической революции.

Собранный диалектологический материал дал основание исследователям разделить таджикские говоры на две большие группы: равнинные и горные, иначе северо-западные и юго-восточные (П. Е. Кузнецов, А. А. Семенов, М. С. Андреев).

Однако уже проф. И. И. Зарубин в своем „Отчете об этнологических работах в Средней Азии летом 1926 г.“ (Изв. АН СССР 1927 г.) отметил, что, судя по сделанным записям и наблюдениям, „повидимому не имеет большого значения разделение говоров на равнинные и горные“.¹

Позже (1937—1940), исследуя варзобский говор, распространенный в северной части Таджикистана, В. С. Расторгуева и В. С. Соколова пришли к выводу, что этот говор является по ряду языковых признаков промежуточным между северо-западными и юго-восточными.

В своей работе „Варзобский говор“, опубликованной

¹ И. И. Зарубин. Отчет об этнологических работах в Средней Азии летом 1926 г. Изв. АН СССР, 1927 г., стр. 359—360.

в 1952 г.,¹ В. С. Расторгуева, сравнивая этот говор с другими исследованными таджикскими говорами, выделяет его вместе с гиссарскими таджикскими говорами в особую центральную группу.

В настоящее время по описанию северо-западных и центральных говоров имеется ряд работ (И. И. Зарубин, О. Джалалов, Б. Ниязмухаммедов, В. С. Соколова, В. С. Расторгуева, Л. В. Успенская).

Все эти говоры распространены на севере и северо-западе Таджикистана, а также на территории Узбекской ССР (Самарканд, Бухара, Фергана).

Что касается работ, посвященных описанию группы юго-восточных говоров, то эти работы относятся к говорам Дарваза, Карагегина, Горона (А. А. Семенов, Н. А. Кисляков, С. И. Климчицкий, А. З. Розенфельд, А. Н. Болдырев).

Территория современной Кулябской области со сплошным таджикским населением оставалась долгое время неизученной. О языке кулябцев имелись лишь отрывочные сведения в работах М. С. Андреева „Краткий обзор некоторых особенностей таджикских говоров“, Ташкент, 1930, Л. Бузургзода „Инъикоси шуриши Восеъ дар фольклор“, Сталинабад, 1941, а также некоторые замечания по фонетике кулябских говоров — в работе В. С. Соколовой „Фонетика таджикского языка“, Ленинград, 1949, на основании которых можно было предполагать о существовании целой группы кулябских говоров.

Только в 1948 г. по инициативе Института истории языка и литературы Таджикского филиала АН СССР была организована под руководством проф. И. И. Зарубина и доц. В. С. Соколовой Кулябская диалектологическая экспедиция, проводившая свою работу в течение двух лет.

Результаты работ экспедиции показали, что большая часть территории Кулябской области представляет собой единый языковой массив, внутри которого можно выделить ряд говоров.

Эти говоры в свою очередь можно сгруппировать на основании ряда специфических для них языковых признаков в две большие группы: северо-кулябскую и южно-кулябскую.

¹ В. С. Расторгуева. Очерки по тадж. диалектол., Варз. говор, М., 1952, стр. 144.

В работе В. С. Соколовой „Итоги Кулябской диалектологической экспедиции“ (Труды Тадж. филиала АН СССР, 1951, т. XXIX, Сталинабад) дана характеристика как всего кулябского массива в целом, так и в отдельности северной и южной групп кулябских говоров.

Специальному описанию группы северно-кулябских говоров посвящена диссертация Р. Л. Неменовой „Кулябские говоры таджикского языка“ (северная группа).

В экспедиционный сезон 1949 г. автором представленной диссертации при исследовании южно-кулябских говоров было установлено, что на самом юге Кулябской области распространена особая группа говоров, хотя и близких к кулябским, но в то же время имеющая от них существенные отличия — группа рогских говоров, описанию которых и посвящена представленная диссертация.

„Рогцы“, живущие сейчас на территории Кулябской области, переселились с левого берега Пянджа еще лет 70—80 тому назад, бежав от гнета афганских правителей.

Поскольку сведений о рогцах и их языке в литературе до настоящего времени не имелось,¹ автором диссертации была предпринята поездка в летний сезон 1950 г. в Даштиджумский и Шуроабадский районы той же Кулябской области (сельсоветы Ходжагалтон, Джильга, Кодара, Ел), где распространены рогские говоры.

В основу исследования положено описание рогского говора, распространенного на большей части территории сельсовета Ходжагалтон Шуроабадского района. Этот говор является центральным по отношению к другим рогским говорам и особенности его являются одновременно и особенностями всех рогских говоров.

В говорах окраинных рогских кишлаков имеются отличия, которые объясняются близким соседством с южно-кулябскими говорами, а также тем, что рогцы, живущие в некоторых из окраинных кишлаков, пришли сюда в прошлом из различных селений с левого берега Пянджа.

Диссертация состоит из следующих основных разделов:

І. Введение: 1. Обзор литературы по юго-восточным

¹ Имелось лишь два упоминания: а) о том, что существует „племя Рог“, живущее на территории Бадахшана (М. С. Андреев и А. А. Поголовцев, „Материалы по этнографии иранских племен Ср. Азии“, Спб., 1911, IX, стр. 5), б) о том, что в долине Рог живут таджики (Бурхан-уд-Дин-хан Кушкеки „Каттаган и Бадахшан“, 1926, Ташкент, стр. 116).

таджикским говорам СССР и таджикскому языку Афганистана. 2. Методы исследования и характеристика материалов.

II. Общие сведения о районе исследования.

III. Описание фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики рогского говора, распространенного в большей части кишлаков в с/с Ходжагатон, сравнительно с литературным таджикским языком и кулябскими говорами.

IV. Особенности речи жителей окраинных кишлаков сравнительно с речью жителей большей части кишлаков с/с Ходжагатон.

V. Отношение рогских говоров к другим юго-восточным таджикским говорам.

К работе приложено около полуторы тысяч образцов разговорной речи в виде отдельных предложений и диалогов, четыре сказки, три повествовательных текста и словарь по рогским говорам, приблизительно в 2,5 тысячи слов и, кроме того, образцы речи южных кулябцев и горонцев, записанные во время летних поездок 1949, 1950 и 1952 годов.

В основу транскрипции положен таджикский алфавит. Отсутствующие в типографии знаки заменены следующими: *z*—увулярный, щелевой; *x*—нижнефарингальный, щелевой; *χ*—верхнефарингальный, щелевой; *k*—увулярный, смычный; *č*—аффрикат, звонкий (*дж*).

Фонетические особенности

В составе гласных рогских говоров, как и в кулябских говорах, насчитывается шесть фонем: *и*, *е*, *а*, *о*, *у*, *ъ*. Гласные фонемы заднего ряда *ъ* и *у* представляют собой особенность рогских говоров по сравнению с гласными заднего ряда *у* и *у* литературного таджикского языка. Остальные четыре фонемы в рогских говорах и литературном языке одинаковы.

Фонема *ъ* в рогских говорах соответствует исторически краткому *у* (*шъд* 'он стал'), а фонема *у*—двум исторически долгим фонемам *о̄* и *ӯ* (*руз* 'день', *дуд* 'дым'), тогда как в литературном языке имеем следующие соответствия: литературное *у* соответствует исторически долговому *ӯ* и краткому *у* (*дуд* 'дым', *шуд* 'он стал'), а литературное *ӯ* соответствует исторически долговому *о̄* (*руз* 'день').

Фонема *ъ* является очень неустойчивым гласным с широким диапазоном. Основной вариант этой фонемы характери-

зуется как гласный заднего ряда, неогубленный, второго сверху подъема (по таблице Л. В. Щербы). Этот вариант, приближающийся по звучанию к русскому *ы*, можно услышать в речи местных жителей в различных фонетических положениях: *кърта́* 'платье', *зълф* 'локон', *шъмó* 'вы', *гъл* 'цветок'.

Находясь рядом с согласными среднеязычной артикуляции, гласный *ъ* может продвигаться вперед, приближаясь на слух к русскому *и*: *шъд*//*шид* 'он стал', *чъргòт*//*чиргòт* 'кислое молоко'.

Если фонема *ъ* находится в соседстве с губными согласными, то она может огубляться. В таких случаях она звучит как краткое слабоогубленное *у*: «*кънум*» 'я сделаю', «*гуфту́м*» 'я сказал', «*мардум*» 'люди', «*гандум*» 'пшеница'.

Фонема *ъ* в неударенных открытых слогах настолько редуцируется, что может совсем исчезать: *дърáхт*//*дра́хт* 'дерево', *зъмíн*//*змíн* 'земля'.

Способность фонемы *ъ* к редукции в открытом неударенном слоге и ее качественная неопределенность ведут к тому, что в тех случаях, когда две другие неустойчивые фонемы *а* и *и* сокращаются и теряют свою качественную определенность, они начинают звучать как *ъ*: *дигá*//*дъгá* 'другой', *бисйòр*//*бъсьòр* 'много', *бълáнд* 'высокий', *дърòз* 'длинный'.

Переход *а* и *и* в фонему *ъ* может происходить в говорах и в ударенных слогах. В таких случаях переход происходит также в наиболее благоприятных для сокращения гласных фонетических положениях, т. е. в слогах, закрытых двумя согласными, перед сонантами и перед увулярными: *гъндъшк* 'воробей', *тандър* 'гром', *акъб* 'зад', *майлъс* 'собрание', в уменьшительном суффиксе *-ак*//*-ък*, в предикативной связке 3 л. ед. ч. *-ас*//*-ъс*.

Фонема *ъ* в рогских говорах засвидетельствована также в тех словах, где в литературном языке имеется фонема *у*, причем обычно в фонетических положениях, благоприятных для сокращения гласных, т. е. в слогах, закрытых двумя согласными, а также в соседстве с увулярными глухими и сонантами: *фърòмъшт* к. (лит. *фаромуш* к.) 'забывать', *омъхта* (лит. *омухта*) 'привыкший', *мълáт* (лит. *мухлат*) 'срок', *нахът* (лит. *нахуд*) 'горох', *нъмòл* (лит. *румол*) 'платок', *съм* (лит. *сум*) 'рубль' и др.

Фонема *ъ* отмечена также в целом ряде слов, заимствованных из русского языка: *нальк* 'налог', *бьргат* 'бригадир', 'бригада'; *фьрма* 'ферма', 'заведующий фермой', *тьрактър* 'трактор'; *духтьр* 'доктор'; *бошпърт* 'паспорт', *мьлесъ* 'милиция'. 'милиционер' и др.

Характерно для рогских говоров появление фонемы *ъ* в таджикских словах между двумя согласными в исходе слова (перед сонантами): *тѣхъм* (лит. *тухм*) 'яйцо', *чѣшъм* (лит. *чаши*) 'глаз', *ақъл* (лит. *акл*) 'разум', *азъл* (лит. *хазл*) 'шутка', *фѣгър* (лит. *фикр*) 'мысль', *умър* (лит. *умр*) 'жизнь', *гъръм* (лит. *гарм*) 'теплый', *гъръм* (лит. *гурм*) 'сук', *пашъм* (лит. *пашм*) 'шерсть' и др.

Кроме перечисленных выше случаев распространения фонемы *ъ* в рогских говорах, эта фонема употребляется в ряде слов, характерных для рогских говоров: *шѣтък* 'жидкий', *чалък* 'очаг', *хълбут* 'развалившийся на куски', *фѣр гаштан* 'вертеться', 'кружиться', *кълѣг гирифтан* 'дразнить', *фѣндѣрък кардан* 'швырять' и др.

Фонема *у*, как отмечалось выше, в рогских говорах соответствует двум исторически долгим фонемам *о* и *у*. Качественная характеристика ее не отличается от качественной характеристики фонемы *у* литературного языка. Однако с количественной стороны *у* в рогских говорах представляет собой устойчивый гласный, тогда как *у* литературного языка, отражающее две исторические фонемы *у* и *у*, попадает в группу неустойчивых гласных.

Таким образом, к устойчивым гласным в рогских говорах относятся *у*, *о*, *е*, а к неустойчивым — *ъ*, *а*, *и*.

Характерным для рогских говоров сравнительно с литературным языком и группой северо-западных говоров является также тип стяжения гласных:

кѣртѣм < *кѣрта* + *ѣм* 'мое платье',
кѣлѣб < *кѣла* + *о* 'лепешки',
бачѣ < *бача* + *о* 'мальчики'.

Консонантизм рогских говоров характеризуется следующими особенностями:

а) Полным отсутствием фарингальных согласных и, в частности, нижнефарингального щелевого *х*, имеющегося в ли-

тературном языке. Например: *ич* (лит. *хеч*) 'никакой', *абда* (лит. *хафтдаҳ*) 'семнадцать', *езъм* (лит. *хезум*) 'дрова', *хор* // *хушар* (лит. *хоҳар*) 'младшая сестра', *дан* (лит. *дахан*) 'рот', *торат* (лит. *тахорат*) 'омовение' и др.

Отсутствие фарингальных характерно и для группы южно-кулябских говоров, тогда как в северно-кулябских говорах имеются фарингальные *айн*, *х*, *х* (как фонемы).

б) Отсутствием губо-зубного *в* и наличием лишь губо-губного *ш* (круглощелевого). В тех случаях, где в литературном языке имеется губо-зубное *в*, в рогских говорах ему соответствует губо-губное: *вазир* (лит. *вазир*) 'визирь', *вахт* (лит. *вакт*) 'время', *вайрон* // *верон* // *вайрун* (лит. *вайрон*) 'испорченный' и т. д.

Только в южно-кулябских говорах существует параллельное произношение слов с губо-губным и губо-зубным.

в) Соответствием поствокальному *б* в литературном языке, губо-губного *ш* в рогских говорах: *шах* (лит. *шаб*) 'ночь', *хот* (лит. *хоб*) 'сон', *сеш* (лит. *себ*) 'яблоко', *тавар* (лит. *табар*) 'топор', *ташак* (лит. *табак*) 'блюдо'.

Такое же явление отмечено во всех остальных таджикских говорах и в том числе во всех кулябских.

г) Наличием в начале ряда слов губо-губного *ш* вместо *б* в литературном языке: *шекор* (лит. *бжор*) 'бездельник', *ведор* (лит. *бедор*) 'бодрствующий', *вегай* (лит. *бегох*) 'вечер', *вардошт* (лит. *бардошт*) 'он поднял', *ши* (лит. *биби*) 'бабушка', *вар хурдан* (лит. *бархурдан*) 'встречаться', *шин* (лит. *бин*) 'посмотри', *ваштан* (лит. *бастан*) 'завязывать', *шо* (лит. *бобо*) 'дедушка'.

Это явление отмечено и в группе кулябских говоров, как северных, так и южных, однако число слов с начальным *ш*, соответствующим *б* литературного языка, в рогских говорах большее, чем в кулябских.

д) Отсутствием фонем *й* в начале слова. Так, имеем следующие соответствия с литературным языком: *ах* (лит. *йах*) 'лед', *ак* (лит. *йак*) 'один', *о* (лит. *йо*) 'или', *офт* (лит. *йофт*) 'он нашел', *од* (лит. *йод*) 'память', *анга* (лит. *йанга*) 'невестка' и т. д.

В группе южно-кулябских говоров в ряде слов существует параллельное произношение с начальным *й* и без него, тогда как для группы северно-кулябских говоров наличие *й* в начале слова обязательно.

Остальные согласные фонемы рогских говоров не отличаются от согласных фонем литературного таджикского языка и других таджикских говоров.

Морфологические особенности

В области морфологии, а также синтаксиса рогские говоры имеют ряд общих черт со всеми кулябскими говорами. Эти же черты отличают их от литературного таджикского языка.

К общим грамматическим признакам кулябских и рогских говоров относятся:

1. а) употребление предлога *ба* в говорах, кроме тех же функций, что и в литературном языке, для выражения орудийности и способа действия: *тъ ба дъст-ът хърдâ шъдй?* 'ты ела руками?', *кълф ба чи ела мекънân?* — *ба калик* 'чем открывают замок?' — 'ключом'; *ба латш-ъш бъхъ* 'пей с краешка ее' (миски).

В этом значении предлог *ба* в говорах соответствует предлогу *бо* литературного языка, который отсутствует как в рогских, так и в кулябских говорах;

б) употребление предлога *да/дар* при обозначении не только местонахождения, но и направления в отличие от литературного языка, где предлог *дар* обычно употребляется для обозначения местонахождения: *нон да чалък галтид* 'лепешка упала в очаг', *рафтъм да хонâи нънâ-м* 'я пошел в дом своей матери'; *пустâк-а бар/да хонâ бон* 'унеси пустак,¹ положи в доме'; *и занчйр да къшб-ст?* 'где эта цепочка?';

в) употребление предлога *ай*, соответствующего по своим функциям предлогу *аз* литературного таджикского языка;

г) употребление предлога и послелога *катй*, который, выступая как предлог, указывает совместность, а в качестве послелога обозначает орудие действия: *катй ки мехонй?* 'с кем ты учишься?', *катй-м дйна дърашидас* 'она вчера жала вместе со мной'; *мо калхос-на гандъм мекашём чигинâ-кати* 'мы в колхозе возим пшеницу на санях-волокушах'; *ба куâру камбон-катй бъздуметъконân* 'козью шерсть бьют колотушкой и луком';

¹ Пустâк — высушенная овечья или баранья шкура.

д) употребление в рогских говорах послелога *-ворй*, а в кулябских *-вори*, указывающего на сходство, подобие с кем-либо, чем-либо (соответствует литературному *-барин*);

е) более широкое употребление послелога *-ра/-а* по сравнению с послелогом литературного языка *-ро*: *мън-а ичозât бътâ/хонâ бърâм* 'если она мне разрешит, я схожу домой'. *Сангимо-ра бъгу/хап кънâ* 'скажи Сангимо, чтобы она замолчала'.

2. Употребление конструкции сравнения с послелогом *-на* в рогских говорах и с послелогом *-да* в кулябских типа: *у ай тъ-на калбн-ъо* 'он больше тебя'.

3. Употребление местоименных суффиксов в функции дополнения к глаголу: *ела-шон карди?* 'ты их оставила?' *бъгу-ш биойâ* 'скажи ей, чтобы она пришла'.

4. Отсутствие вопросительной частицы *-ми*.

5. Наличие следующих глагольных окончаний:

Рогские говора		Лит. язык	Рогские говора		Лит. язык
Единственное число			Множественное число		
1	-ъм	-ам	1	-ем	-ем
2	-и	-и	2	-ен	-ед -етон
3	-(-а)	-(-ад)	3	-ан	-анд

6. Широкое употребление глагольной приставки *бъ//би* в форме повелительного наклонения и аориста: *бъдâш* 'беги'; *бъхъ (р)* 'кушай'; *бон-ъш, бъгâ охи* 'оставь ее, да пусть говорит'.

7. Отсутствие формы сложного будущего времени типа: *хочам рафт*.

8. Широкое употребление для выражения намерения конструкции, состоящей из имени и настоящей основы глагола, в сочетании с вспомогательными глаголами *будан*, *шудан*, а также с предикативной связкой: *мъ бозоррâш бъдъм* 'я собиралась итти на базар'; *мъ гоххâr-ъм* 'я собираюсь купить корову'; *ака-м амбли зангър шидас* 'мой брат (старший) собирается теперь жениться'.

9. Более ограниченное, чем в литературном языке и северо-западных таджикских говорах, употребление деепри-

частия с суффиксом *-а*. Оно выступает в рогских говорах в функции добавочного сказуемого и обстоятельства, причем, главным образом в речи образованных людей.

Как определение при имени деепричастие в рогских говорах вовсе не употребляется. Характерным является также отсутствие деепричастно-сложных глаголов типа: *мурда рафт, гуфта монд*.

10. Значительно меньшее употребление сравнительно с литературным языком и группой северо-западных говоров причастия с суффиксом *-ги*. Это причастие в говорах употребляется только в двух функциях: в функции определения к имени и в функции сказуемого: *одами езмбърдаги - ра намийошъм* 'я не найду человека, который бы носил дрова'; *у да зъмйн шиштаги-с* 'она сидит на земле'.

В функции отглагольного имени действия это причастие не употребляется.

Формы, образованные с помощью этого причастия типа: *карда истодаги* и *мекарда истодаги*, а также предположительные формы типа *кардагист* 'он, вероятно, сделал' как в рогских, так и в кулябских говорах отсутствуют.

Синтаксические особенности

Синтаксис говоров мало отличается от общеразговорной таджикской речи.

Из сочинительных союзов в говорах употребляется союз *э//-шэ / у /-шу* (в кулябских говорах этот союз имеет соответственно фонетический вариант *-вэ*). Союз *э//-шэ* связывает как члены одного предложения, так и различные предложения между собой.

Главные предложения с придаточными связываются союзами *ки, то ки, агар, агане*.

Специфичными для рогских говоров, отличающими их не только от литературного языка, но и от кулябских говоров, являются следующие морфологические особенности.

1. Наличие послелога *-на*, обозначающего:

а) местонахождение: *мактаби мо - на талабо бэсйор - вэ* 'в нашей школе много учеников';

б) направление: *арахйён бон сар-гъш-на* 'надень тюбетейку ему на голову';

в) время: *гош-гъм йаю мо-на шир надод* 'наша корова не давала нам молока в течение месяца'.

2. Отсутствие послелога *-да*, имеющегося в кулябских говорах.

3. Использование следующих личных местоимений: 1 л. *мъ* — *мо*; 2 л. *тѣ* — *шѣмо*; 3 л. *у* — *уно*, *ино*.

4. Формы спряжения предикативной связки:

Единств. число		Множеств. число	
1	-ѣм	1	-ем
2	-и	2	-ен
3	-ѣс (<i>т</i>) // -ас (<i>т</i>)	3	-ан // -ѣн

При глагольном сказуемом употребляется лишь предикативная связка *-ас(т)*, тогда как при именном характерно параллельное употребление связки *-с*, *-ѣс(т) // ас(т)*. Например: *гуфтас ки мерам* 'она сказала: „я пойду“'; *блихов - ѣс* 'она сейчас спит'.

5. Тип спряжения глаголов в перфекте:

Единств. число		Множеств. число	
1	<i>гуфтѣм</i>	1	<i>гуфтаем</i>
2	<i>гуфтай</i>	2	<i>гуфтаен</i>
3	<i>гуфтас</i>	3	<i>гуфтан</i>

6. Тип стяжения глаголов в настоящем времени данного момента:

Единств. число		Множеств. число	
1	<i>гуфтесодѣм</i>	1	<i>гуфтесодем</i>
2	<i>гуфтесодай</i>	2	<i>гуфтесоден</i>
3	<i>гуфтесодас</i>	3	<i>гуфтесодан</i>

Лексические особенности

Лексика рогских говоров имеет отличия от лексики литературного языка. Эти отличия проявляются в терминах родства, материальной культуры, во многих глаголах и других корневых словах: *анѣ* 'золовка', *ешѣр* 'брат мужа', *чагѣрък* 'ребенок', *ник* 'младший брат' или сестра до 5 лет, *нѣнѣ* 'мать', *да* 'отец', *бийѣр* 'брат', *чахчуш* 'маслосбивалка', *чаштѣк* 'корзина, которой накрывают крынки с молоком', *чалѣк* 'очаг'; *чамус* — назв. горной кож. обуви; *налѣн* 'деревянные сандалии'; *чиламчѣ* — сосуд для слива воды при мытье рук, *сарѣк*, 'поднимать', *шѣлидан* 'колоть', *кѣлѣгъ гѣриф*

тан 'дразнить', *пáидан* 'трясти', *хатó* к. 'падать', *от* к. 'падать', *гашр* к. 'окружать', *шуридан* 'искать', *фьндърэк* к. 'швырять', *хондй* к. 'караулить', *малог хурдан* 'переворачиваться', *хълбут* 'развалившийся на куски', *гурэк* 'сырой', *шътэк* 'жидкий', *партóш* 'усталый', *ечá* 'гнездо', *барбандй* 'горизонтальный', *факалá* 'множество', *чангóлэк* 'разрушенный', и др.

Различия внутри рогских говоров

Выше были указаны фонетические, морфологические, синтаксические и лексические признаки, характерные для всей группы рогских говоров и, в частности, для большей части рогских кишлаков в сельсовете Ходжагалтон Шурабадского района.

На основе языковых различий можно выделить пять рогских говоров:

1. Говор жителей центральных рогских кишлаков: Ходжагалтон, Севдара, Чашмаисев, Сафедоб, Зардолдара, Новобод, Деиамадболо (большая часть терр. с/с Ходжагалтон Шурабадского района).

2. Говор жителей кишлаков Бадринг, Чолиштак, Деиамадпоян (с/с Ходжагалтон, Шурабадского района). Жители этих кишлаков являются выходцами из селения Хыльдыск на левом берегу р. Пяндж.

3. Говор жителей кишлаков Зарчахо, Анджиркон (с/с Кодара Шурабадского района).

4. Говор жителей кишлака Балуч (с/с Джильга Шурабадского района).

5. Говор жителей кишлака Афгобзамин (с/с Ел Даштиджумского района), выходцев из левобережного селения Шингун.

Особенности первого говора были описаны при характеристике всей группы рогских говоров в целом.

Говор жителей кишлаков Бадринг, Чолиштак, Деиамадпоян с/с Ходжагалтон, распространенный к югу от группы центральных рогских кишлаков, имеет следующие особенности сравнительно с уже описанным рогским говором, бытующим в большинстве кишлаков этого же с/с.

1. Сплошной переход фонемы *о* в фонему *у* перед носовыми согласными (*хунá* 'дом', *думóд* 'зять' и т. д.).

2. Иная огласовка местоименных суффиксов в сочетании с местоимением *хъд* 'сам, свой'.

Кишлак Бадринг			Кишлак Ходжагалтон		
един.	число	мн.	един.	число	множ.
1	<i>хъд́им</i>	<i>хъд́имун</i>	1	<i>хъд́ьм</i>	<i>хъд́ьмон</i>
2	<i>хъд́ит</i>	<i>хъд́итун</i>	2	<i>хъд́ьт</i>	<i>хъд́ьтон</i>
3	<i>хъд́иш</i>	<i>хъд́ишун</i>	3	<i>хъд́ьш</i>	<i>хъд́ьшон</i>

3. Употребление суффикса -ак с глаголами 3 л. ед. ч. в простом прошедшем времени и перфекте.

4. Употребление приставки *бъ* с глаголом *рафтан* в 3 л. ед. ч. простого прошедшего времени.

5. Различия в лексике.

Кишлак Бадринг	Кишлак Ходжагалтон
<i>мъма́</i> 'мать'	<i>нъна́</i>
<i>дъда́</i> // <i>да́</i> 'отец'	<i>да́</i>
<i>би́</i> 'бабушка'	<i>ти́</i>
<i>боб́и</i> 'дедушка'	<i>то́</i>
<i>хор́</i> 'мл. сестра'	<i>хува́р</i>
<i>бух́</i> 'маслобойка'	<i>хъмчъ́к</i>
<i>нишун́</i> 'палочка для изм. молока'	<i>пех́</i>
<i>манш́а</i> к. 'передразнивать'	<i>къло́г</i> г.
<i>зун́</i> 'язык'	<i>зъво́н</i>

Говор, распространенный в кишлаке Афтобзамин (к юго-востоку от кишлака Бадринг) и граничащий с одним из южно-кулябских говоров (ёльским), характеризуется следующими особенностями, сравнительно с говором, распространенным на большей части территории с/с Ходжагалтон.

1. Наличием очень узкого варианта фонемы *а*, встречающегося в исходе слова перед изафетом «*хунъи мъ́*» 'мой дом'.

2. Допущением параллельных форм в парадигме спряжения глаголов в настоящем времени данного момента:

Кишлак Афтобзамин	Кишлак Ходжагалтон
Единственное число	
1 <i>рафтес(т)одъ́м</i> // <i>рафтесом́</i>	1 <i>рафтесодъ́м</i>
2 <i>рафтес(т)одай́</i> // <i>рафтесой́</i>	2 <i>рафтесодай́</i>
3 <i>рафтес(т)одас́</i> // <i>рафтесос́</i>	3 <i>рафтесодас́</i>

Множественное число

1	<i>рафтес(т)одем</i>	//	<i>рафтесем</i>	1	<i>рафтесодем</i>
2	<i>рафтес(т)оден</i>	//	<i>рафтесен</i>	2	<i>рафтесоден</i>
3	<i>рафтес(т)одан</i>		<i>рафтесан</i>	3	<i>рафтесодан</i>

3. Теми же морфологическими особенностями, что и в говоре кишлака Бадринг (употреблением суффикса *-ак* с глагол. 3 л. ед. ч. в простом прошедшем времени и перфекте и употреблением приставки *бъ* с глаголом *рафтан* в 3 л. ед. ч. простого прошедшего времени).

4. Различиями в лексике:

Кишлак Афтобзамин	Кишлак Ходжагалтон
<i>ма</i> 'мать'	<i>нъна</i>
<i>бийар</i> 'брат'	<i>бийор</i>
<i>хор</i> 'мл. сестра'	<i>хувар</i>
<i>амакй</i> 'дядя со стороны отца'	<i>амък</i>
<i>вард</i> <i>увард</i> 'он принес'	<i>овард</i>
<i>кълй</i> 'ключ'	<i>калык</i>
<i>чушък</i> 'палочка для измерения молока'.	<i>пех</i>

Особенностями говора, распространенного в кишлаках Зарчахо и Анджиркон с/с Кодара, Шурабадского района и граничащего с одним из южно-кулябских говоров (давлатобадским) являются:

1. Употребление суффикса *-ак* с глаголами 3 л. ед. ч. простого прошедшего времени и аориста, употребление приставки *бъ* с глаголом *рафтан* в 3 л. ед. ч. простого прошедшего времени, как в двух предыдущих говорах.

2. Стыжение глаголов *кардан*, *омадан*, *гърифтан*, *додан*, *задан* в простом прошедшем времени по следующему типу.

Единственное число

1	<i>кам</i>	<i>омам</i>	<i>гъртъм</i>	<i>дом</i>	<i>зам</i>
2	<i>кади</i>	<i>омади</i>	<i>гърти</i>	<i>доди</i>	<i>зади</i>
3	<i>кад</i>	<i>омад</i>	<i>гърт</i>	<i>дод</i>	<i>зад</i>

Множественное число

1	<i>кем</i>	<i>окем</i>	<i>гъртем</i>	<i>додем</i>	<i>зем</i>
2	<i>кен</i>	<i>омен</i>	<i>гъртен</i>	<i>доден</i>	<i>зен</i>
3	<i>кан</i>	<i>оман</i>	<i>гъртан</i>	<i>додан</i>	<i>зан</i>

3. Следующий стяженный тип спряжения этих глаголов во 2-м и 3-м лицах единственного числа перфекта:

2	<i>кай</i>	<i>омай</i>	<i>гъртай</i>	<i>додай</i>	<i>зай</i>
3	<i>кас</i>	<i>омас</i>	<i>гъртас</i>	<i>додас</i>	<i>зас</i>

4. Парадигма спряжения глаголов в настоящем времени данного момента:

Кишлак Зарчахо

Кишлак Ходжагалтон

Единственное число

1 <i>кесом, рафтесом</i>	1 <i>ка(р) десодъм, рафтесодъм</i>
2 <i>кесай, рафтесай</i>	2 <i>ка(р) десодай, рафтесодай</i>
3 <i>кесос(т), рафтесос(т)</i>	3 <i>ка(р) десодас, рафтесодас</i>

Множественное число

1 <i>кесем, рафтесем</i>	1 <i>ка(р) десодем, рафтесодем</i>
2 <i>кесен, рафтесен</i>	2 <i>ка(р) десоден, рафтесоден</i>
3 <i>кесон, рафтесон</i>	3 <i>ка(р) десодан, рафтесодан</i>

5. Различия в лексике

Кишлак Зарчахо

Кишлак Ходжагалтон

мъмай 'мать'

нънай

бъбий 'бабушка'

ши

парък 'маслосбивалка'

парчуъ

почъки 'очаг для варки пищи'

дедън

Говор, распространенный в кишлаке Балуч с/с Джильга Шурабадского района, граничит также с говорами южно-кулябских таджиков (сарчишмачей и давлатобадцев) и имеет следующие отличия от говора в большей части рогских кишлаков с/с Ходжагалтон:

1. Употребление суффикса *-ак* с глаголами 3 л. ед. ч. в простом прошедшем времени и перфекте, как в указанных выше говорах.

2. Стяжение глаголов *кардан* и *омадан* в простом прошедшем времени и в перфекте по такому же типу, что и в говоре кишлаков Зарчахо, Анджиркон.

3. Парадигма спряжения глаголов в настоящем времени данного момента:

Единственное число

- 1 *рафтесам*
 2 *рафтесай*
 3 *рафтесас (т)*

- 1 *рафтесодъм*
 2 *рафтесодай*
 3 *рафтесодас (т)*

Множественное число

- 1 *рафтесем*
 2 *рафтесен*
 3 *рафтесан*

- 1 *рафтесодем*
 2 *рафтесоден*
 3 *рафтесодан*

4. Употребление деепричастно-сложных глаголов.

5. Различия в лексике.

Кишлак Балуч

Кишлак Ходжагалтон

<i>чийâ</i>	‘мать’	
<i>момâ</i>	‘бабушка’	
<i>макай</i>	‘кукуруза’	
<i>почъкй</i>	‘очаг для варки пищи’	
<i>търна</i>	‘снежный обвал’	
<i>сартôw</i>	‘крышка от очага’	

<i>нънâ</i>
<i>wи</i>
<i>чигорй</i>
<i>декдôн</i>
<i>пътърмй</i>
<i>бъникй</i>

Отношение рогских говоров к каратегинским
и дарвазским

Рогские говоры непосредственно граничат с кулябскими говорами (южно-кулябскими), с которыми имеют целый ряд общих черт как в фонетике, так в морфологии и синтаксисе.

Соотношение рогских и кулябских говоров было рассмотрено выше.

Кроме кулябских говоров известны еще две большие группы юго-восточных таджикских говоров: каратегинские и дарвазские.

От каратегинских говоров рогские также отличаются рядом существенных признаков. Так, в фонетике в системе консонантизма имеются следующие особенности: наличие фарингальных *айна*, *х*, *х* в каратегинских говорах и отсутствие их в рогских, а кроме того те же отличия, что и от северно-кулябских (употребление в рогских говорах губогубного *w* и отсутствие *й* в начале слова, что не отмечено для каратегинских говоров).

В морфологии отличия представляют:

1. Отсутствие в каратегинских говорах окончания глаголов 2 л. множ. ч. *-ен* и наличие в них окончания 2 л. множ. ч. *-е*.

2. Употребление для 3 л. перфекта окончания *-ай// -ас*, тогда как для рогских характерно для 3 л. глаголов только окончание *-ас*.

3. Употребление в каратегинских говорах предикативной связи 3 л. ед. ч. *-ай*, отсутствующей в рогских говорах.

4. Наличие в каратегинских говорах послелогов *-ънда// -нда* и *-да*, отсутствующих в рогских.

5. Употребление суффикса *-ак* в 3 л. ед. ч. прошедших времен глаголов в каратегинских говорах и отсутствие этого суффикса в центральной группе рогских кишлаков.

6. Наличие в каратегинских говорах формы II перфекта для 3 л. ед. ч. типа: *гуфтастай* и отсутствие ее в рогских.

7. Различия в парадигмах спряжения глаголов в перфекте.

8. Употребление в каратегинских говорах следующего типа стянутого глагола *кардан* в настояще-будущем времени: *мену́м, мени́, мена́, менем, мене́, менан*.

9. Отличия в лексике.

Еще более значительными являются, судя по тем неполным сведениям, которые имеются в литературе по дарвазским говорам, различия между рогскими говорами и дарвазскими. Как известно из работ: Н. А. Кислякова „Описание говора Вахио боло“ (Труды Тадж. базы АН СССР, т. III, 1936), С. И. Климчицкого „Дарвазские фахлавийёт“ (Труды Тадж. базы АН СССР, 1940), А. З. Розенфельд „Некоторые вопросы таджикской диалектологии“, Вестн. ЛГУ № 7, 1951) дарвазские говоры хотя и имеют в составе вокализма фонему *ɜ*, однако система вокализма этих говоров отлична от системы вокализма рогских, кулябских и каратегинских говоров.

Для дарвазской системы вокализма характерно наличие огубленной фонемы переднего ряда *ɯ* и фонемы *ʊ* (маджгульного *ʊ*).

Система консонантизма также отличается от рогской наличием фарингальных. Однако в отличие от системы консонантизма каратегинских говоров, нижнефарингальный щелевой в Дарвазе неустойчив. Губо-губное *ɸ* как фонема в дарвазских говорах отсутствует.

Что касается морфологических особенностей дарвазских говоров, то для них характерны перестановка приставки *ме* на конец глаголов и отсутствие послелога *-на*, имеющегося как в рогских, так и в каратегинских говорах.

Лексика также представляется отличительной от лексики рогских говоров.

Отношение рогских говоров к горонскому

Значительное сходство представляет собой группа рогских говоров с горонским, распространенным на территории Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР (по побережью Пянджа), а также, по всей вероятности, за пределами Советского Союза на левом берегу р. Пяндж в Афганском Бадахшане. (Некоторые сведения о горонском говоре даны в работе А. Н. Болдырева „Бадахшанский фольклор“, Советское Востоковедение, т. V, 1948).

Как и все рогские говоры, горонский (по материалам, собранным автором данной работы в 1952 году) в отличие от литературного языка характеризуется:

1. Наличием в системе вокализма 6 следующих гласных фонем *а, и, ъ, у, о, е*.

2. Отсутствием каких бы то ни было фарингальных в системе консонантизма.

3. Наличием предлога *ай*, соответствующего по своим функциям предлогу литературного языка *аз*.

4. Наличием предлога и послелога *катй*, употребляющегося в тех же функциях, что в рогских и кулябских говорах.

5. Наличием послелога *-ворй*, соответствующего по своим функциям послелогу литературного языка *-барин*.

6. Употреблением послелога *-на* в тех же функциях, что и в рогских говорах.

7. Отсутствием послелога *-ро* и наличием послелогов *-ра/-а*.

8. Употреблением местоименных суффиксов в функции дополнения к глаголу.

9. Наличием следующих личных местоимений:

Единств. число

- 1 л. *мъ*
- 2 л. *тъ*
- 3 л. *у*

Множеств. число

- 1 л. *мо*
- 2 л. *шъмо*
- 3 л. *ино, уно*

10. Отсутствием вопросительной частицы *-ми*.

11. Отсутствием образований интенсивной степени от имен качественных типа: *суп* — *сурх* 'красны-прекрасный' и выражением интенсивности качества с помощью слова *соф*: *ай гина-гинархъри соф зард шидъм* 'я стала желтой-прежелтой от того, что ела акрихин'.

12. Употреблением приставки *бъ//би* с глаголами в повелительном наклонении и аористе и неупотреблением ее с глаголом *рафтан* в 3 л. ед. ч. простого прошедшего времени.

13. Отсутствием суффикса *-ак*, присоединяемого к глаголам 3 л. ед. ч. в прошедших временах.

14. Употреблением предикативной связки 3 л. ед. ч. *-ас(т) // -ъс(т)* и отсутствием предикативной связки 3 л. ед. ч. *-ай*, имеющейся в кулябских и каратегинских говорах.

Отличительными же чертами горонского говора от рогских являются:

1. Параллельность произношения губо-губного и губо-зубного (*вазър/вазър* 'визирь') у горонцев, тогда как у рогцев вовсе отсутствует губо-зубной.

2. Отсутствие начального *й* у горонцев лишь в следующих словах: *анга* 'невестка', *офт* 'он нашел', *о* 'или', *ила* 'открытый', тогда как в рогских говорах отсутствие начального *й* является нормой.

3. Отсутствие формы настоящего времени данного момента, с вспомогательным глаголом *истодан*, характерной для литературного языка и всех исследованных до сих пор таджикских говоров, и в том числе рогских.

4. Различное употребление окончаний глагола во 2 л. мн. ч.

Горонский

-ет

Рогский

-ен

Лит. яз.

-ед

5. Наличие вопросительной частицы *о*.

6. Различия в лексике.